

Тамара Александровна Флоренская

Слово и молчание в диалоге

Одной из загадок психологического опыта, о котором пойдет речь в этой статье, является обретение слова или высказывания, которые оказываются ключевыми в разрешении патогенного конфликта: «двухголосого» слова-высказывания. Начнем с описания уровней и разновидностей такого рода опыта.

Многими испытано влияние аудитории на характер речевых высказываний; чем более лектор склонен к импровизации, тем явственнее и многограннее проявляется зависимость его от слушателей: одна и та же тема раскрывается в различном словесном, интонационном, ритмическом, стилевом и т.д. оформлении. Аудитория оказывается молчаливым собеседником в диалоге и нередко способствует рождению новых слов, мыслей, примеров, аргументов. Объяснить это сознательной настроенностью лектора на данную аудиторию возможно лишь до некоторой степени и далеко не всегда: нередки случаи, когда причина того или иного настроения выясняется лишь постфактум.

Читая лекцию о воспитании детей в нескольких аудиториях, я заметила в одной из них, что говорю в непривычном для себя замедленном темпе, каким-то убаюкивающе-успокоительным тоном. Лекция казалась мне скучной и вялой. Но к моему удивлению, слушали ее с глубоким вниманием и по окончании дружно благодарили за то, что лекция эта их «успокоила», «сняла тяжесть с души». Оказалось, что в этот день пришло известие о трагической гибели их заведующей. К своему стыду, я не заметила перед началом лекции тяжелого душевного состояния людей. Сонастроенность произошла помимо моего сознания. Но сонастроенность эта удивительна тем, что она не отражает состояния аудитории, а способствует преодолению отрицательного состояния, гармонизирует души людей.

Аналогичен опыт спонтанного изменения характера речевых высказываний в психологическом консультировании. Консультируя разводящихся в ЗАГСе, я заметила, что, не успевая переключиться, без каких-либо сознательных усилий меняю характер, стиль, интонацию и содержание беседы с каждым приходящим собеседником, хотя многие ситуации, на первый взгляд, идентичны: «не сошлись характерами». Наиболее удивительным был случай, запомнившийся мне с «доперестроечных» времен; он поставил передо мной проблему: как возможно, не зная человека, «сходу» говорить с ним на его специфическом языке? В консультацию для разводящихся пришли двое: солидный, уверенный в себе мужчина средних лет и бледная, скромно одетая, понурая женщина. Мужчина сразу же выступил в роли обвинителя. Выслушав его, я вдруг заговорила с ним в бюрократическом «выговорном» тоне секретаря партбюро: «Вы разрушаете советскую семью»..., «Семья — ячейка общества» ... и т.д. «Отчитывая» таким образом представительного мужчину, обвинявшего во всех своих бедах молчаливую, бледную женщину, я удивлялась своей способности так естественно и легко произносить столь чуждый мне монолог. Но закончив его, я увидела, что обвинитель явно усовестился. По окончании беседы из журнала анкетных данных я узнала, что он работает директором автобазы и является членом КПСС. Не зная того, я говорила на языке собеседника таким образом, чтобы достучаться до его совести. И в этом случае отметим, что характер моей речи не был результатом сопереживания и сочувствия собеседнику. Он не был также выражением эмоций: я была внутренне спокойна, а говорила в обличительном тоне. Были сказаны именно те слова, которые соответствовали мировоззрению собеседника и получили отклик в его душе.

В психологическом консультировании нередко решающую роль играет слово (или высказывание), выражающее способ разрешения критической ситуации собеседника. Назовем его ключевым словом-высказыванием. Обрисуем кратко одну из таких ситуаций.

Женщину в течение нескольких лет глубоко тяготят сложные отношения с человеком, ставшим ее наставником в искусстве. В молодости она относилась к нему как к Учителю, человеку высоко духовному и безупречному; он был идеалом, образцом для подражания и много сделал для ее духовного и творческого развития. Теперь, уже в преклонном возрасте, она все еще относится к нему как к Учителю, но чувствует в глубине души протест и стремление порвать с ним отношения; эти

чувства оценивает как постыдные, жестокие, неблагодарные; стремясь «порвать отношения», она не в силах это сделать. В диалоге выясняется, что чувство протеста связано с чрезмерно авторитарным, подражательным отношением собеседницы к учителю, тормозящему раскрытие ее творческой индивидуальности, в чем повинна она сама, перенеся на него свои неосознанные личностные ожидания, не получившие удовлетворения. Ей нужно освободиться от иллюзий, стать собой в жизни и творчестве — «отпочковаться». Это слово оказалось ключевым для осознания и разрешения внутреннего конфликта: оно открыло возможность стать собой, не порывая отношений с «крестным отцом», любящим и любимым. Внутренняя свобода, обретение себя, определенная дистанция в отношениях сделают их здоровыми, более глубокими и творческими. С появлением этого слова наступило состояние разрешенности конфликта, радости осознания и взаимного согласия. Существенным моментом в этой ситуации оказалось временное совпадение рождения ключевого слова с осознанием и разрешением конфликта.

Особо отметим чувство радостного согласия, возникающего у собеседников при нахождении ключевого слова-высказывания. Само оно обретается в ходе обоюдных встречных усилий. Создается впечатление, что ключевое слово-высказывание рождается не в сфере «Я» психолога, а в сфере «Мы».

Является ли спонтанное обретение «ключевого слова-высказывания» способностью экстраординарного характера? Подлежит ли оно научному объяснению?

Следует заметить, что не во всяком общении происходит речевое «попадание в цель»: при поверхностном, формальном, деловом, закрытом манипулятивном и т.п. видах общения этого не наблюдается. Когда собеседник является «объектом воздействия», выступает для осуществления каких-либо целей, слово-высказывание не рождается, а вспоминается и употребляется. Рождение слова происходит лишь в субъект-субъект ном общении, где собеседник становится центром внимания как неповторимая индивидуальность. Такое общение мы называем диалогом.

Психотерапевтический диалог

Остановимся кратко на принципах диалогического общения[1]. Основной принцип диалога — доминанта на собеседнике. Если у человека доминирует свое «Я», он видит в других людях свою проекцию, по словам Ухтомского, «Двойника», он, как обычно говорят, «судит по себе». «Эгоист, именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами...»[2]. Такое состояние человека олицетворено Достоевским в господине Голядкине, герое «Двойника». Эгоистичные люди не могут освободиться от своего Двойника и пробиться сквозь эту скорлупу замкнутости к другому, к Собеседнику. Они страдают от внутреннего одиночества и неспособны понять другого, каков он сам по себе, независимо от их собственного взгляда и отношения. Но если стараться отодвинуть себя на второй план, а на первый ставить другого человека, то постепенно вырабатывается «доминанта на другом» или «доминанта на Собеседнике», как называет ее Ухтомский. Это нелегкая задача перестройки своей личности, от решения которой зависит способность понимания и другого человека как индивидуальности, и самого себя: «Вот, если хотите, подлинная «диалектика»: только переключив себя и свою деятельность на других, человек находит себя как лицо!»[3]. При всей ее трудности задача эта разрешима, так как, по словам Ухтомского, «доминанты наши делаемы». Всякого рода познание требует труда и усилия, тем более это относится к познанию неповторимой индивидуальности человека — как другого, так и самого себя.

В своих литературоведческих трудах М.М.Бахтин раскрывает понятие диалога как не просто средства, а «самого бытия человека»: «Два голоса — минимум жизни, минимум бытия»[4]. Подобно Ухтомскому, обращавшему свою мысль к уникальности другого, Бахтин писал об «отношении одного сознания к другому именно как к другому»[5]. Чтобы понять эту «другость» другого, нужна «внезаходимость» собеседников в диалоге. Это означает, что эмпатическое слияние, вчувствование не ведет к такому пониманию: оно приводит к удвоению одного и того же: «Продуктивность события не в слиянии всех воедино, но в напряжении своей внезаходимости и неслиянности...»[6]. Позиция внезаходимости дает одновременно и определенность своего места в бытии как единственного и неповторимого.

Воспринимая художественный образ на полотне, мы выбираем ту дистанцию, которая позволяет увидеть целостный образ. Правильная дистанция важна и в отношениях с людьми. Стремясь к большей близости, мы нередко разрушаем эти отношения и, наоборот, верная дистанция создает красоту отношений, делая их глубокими и прочными. Внеаходимость — это эстетическое отношение, оно характеризуется бескорыстием и беспристрастием. Противоположностью являются пристрастность, привязанность и страсть к человеку. С этой несвободой, неадекватностью и зависимостью от другого сопряжены межличностные и внутриличностные психические аномалии.

В работе психотерапевта позиция внеаходимости дает столь важные качества, как объективность в восприятии и оценке людей, свободу от личных симпатий и антипатий при глубоком расположении к каждому человеку. Подобно художнику, психолог учится прозревать за внешними отрицательными состояниями скрытую от внешнего взгляда красоту человека. В отличие от идеализации, за которой скрывается проекция своих ожиданий, это видение свободно от субъективных искажений.

Позиция внеаходимости содействует душевному равновесию и эмоциональной устойчивости психолога в «критических ситуациях»: способствует свободе от негативных эмоций пациентов. Внеаходимость снижает опасность «переноса» нереализованных желаний и влечений пациентов и способствует их преодолению.

Но эта установка также достигается трудной работой психолога над собой и сопряжена с переделкой доминанты, о которой писал Ухтомский. «Напряженная и любящая внеаходимость» (Бахтин) возможна, когда человек «пробьет скорлупу» эгоцентризма и поставит центром тяготения другого» (Ухтомский).

Из всего сказанного следует вопрос: идет ли речь о поглощенности одним человеком, или о доминанте на каждом другом.

По мысли Ухтомского, доминанта на Собеседнике и возможна как доминанта на каждом другом. Когда преодолена эгоцентрическая доминанта, в душе рождается универсальная точка зрения, родственная всем и каждому. Доминанта на другом и является такой универсальной, всеобщей точкой зрения, видения. Это точка, в которой сходятся все оси индивидуальностей. Продолжая мысль Ухтомского, можно сказать, что помимо двух собеседников, в диалоге необходима точка, трансцендентная им обоим, стоящая над ними. Эта связующая точка не только трансцендентна, но и имманентна каждому: есть в глубине каждой души и знание о ней присуще человеку. Иначе невозможно понять, что такое вечные универсальные ценности — такие как Истина, Добро, Красота.

В самом слове «человечность» наличествует слово «вечность»: «чело» как знак разума, сознания, соединено в нем с вечностью. Следовательно, признавая реальность, а не условность понятия «вечные ценности», необходимо признать в человеке, помимо временного, вечное начало, объединяющее всех. Для человека религиозного — это Бог; не абстрактная точка, а живое Лицо, Субъект личных отношений, диалога.

В поучении древнего христианского подвижника аввы Дорофея обсуждаемая нами тема связующей всех точки, не утрачивая научной ценности объяснительной «модели», оживает и одухотворяется: «Представьте себе круг, середину его — центр и из центра исходящие радиусы-лучи. Эти радиусы, чем дальше от центра, тем больше расходятся друг от друга; напротив, чем ближе подходят к центру, тем больше сближаются между собой. Положите теперь, что круг сей есть мир: самая середина круга — Бог, а прямые линии, идущие от центра к окружности или от окружности к центру, суть пути жизни людей. И тут то же: насколько святые входят в центр круга к середине оно, желая приблизиться к Богу, настолько по мере вхождения, они становятся ближе к Богу и друг к другу... Так разумеете и об удалении. Когда удаляются от Бога,... в той же мере удаляются друг от друга, сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково и свойство любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближним, и сколько соединяемся с ближним, столько соединяемся и с Богом. То есть: 1) чем более человек упражняется в милосердии и любит людей, тем более приближается к Богу и 2) чем более человек сердцем чувствует личное Божество, тем более он любит людей»[7].

Применительно к обсуждаемой нами теме диалога эта объяснительная «модель» говорит о том, что диалогичность общения предполагает помимо горизонтального измерения (общаются двое), еще и вертикальное — обращенность к связующему их третьему лицу. Без этого допущения нельзя понять ни возможность доминанты на каждом другом, ни «напряженной и любящей вненаходимости», без чего сама тема диалога выхолащивается и теряет смысл.

Исходя из признания духовности в каждом человеке, в логике субъект-субъектного подхода следует обозначить ее как живое Лицо, к которому можно обратиться. Мы называем его «духовное я». Это сокровенная глубина души человека, устремляющая его к добру и совершенствованию. В нем звучит голос вечности, неповторимое жизненное призвание человека. Духовное «Я» обычно не осознается или смутно осознается человеком, в отличие от «наличного Я», представляющего собой совокупность психологических характеристик человека и состояние его души.

В чем же реально проявляется духовное «Я»? Что служит свидетельством его существования? Таким ближайшим свидетельством является «голос совести», знакомый опытно каждому душевно здоровому человеку. Голос совести человек может развить в себе, как и любую способность, и тогда он становится личным внутренним наставником. Если голос совести заглушается рассудочным самооправданием, господством страстей, дурных наклонностей и привычек, человек «выходит из себя», «теряет себя».

Проявлением уникальности духовного «Я» является творческая интуиция, влекущая человека к осуществлению своего жизненного признания. На вершинах творчества мы узнаем и различаем создателей произведений искусства в уникальности, неповторимости их духовного мира.

О силе духовного «Я», его власти над естеством человека, свидетельствует неисчислимое множество подвижников, мучеников, героев и просто любящих людей, преодолевших самый мощный жизненный инстинкт — самосохранения.

В области знания духовное «Я» проявляется в обретении истины: вспомним сократический метод «повивальной бабки», извлекающий из глубин души истинное знание[8].

Чувство красоты и стремление к ней также говорит о реальности вечного голоса духовного «Я» в человеке[9]. Таковы лишь некоторые, наиболее привычные проявления духовного «Я» в повседневной жизни.

В душе человека звучит множество разнообразных голосов, но диалогом можно назвать то, что отвечает двум выделенным нами критериям: доминанте на Собеседнике и вненаходимости, подразумевающим наличие духовного «Я» в человеке. Следовательно, на фоне «шумов» во внутреннем мире человека психолог может услышать диалог наличного «Я» и духовного «Я». Между ними могут быть различные отношения: согласия, послушания наличного «Я» духовному, их противоречие, конфликт между ними и предел их разобщенности — «вытесненность» духовного «Я» из сознания.

В жизни это проявляется нередко враждебным отрицанием, протестами и озлоблением, если кто-то или что-то напоминает человеку о нравственности, совести, правде и т.п. В таком состоянии человек глух к голосу духовного «Я». Но рано или поздно жизненные трудности, обычно возникающие у таких людей, вызывающие душевные и психические расстройства, приводят их к необходимости разобраться в их причинах, «поделиться» с кем-то или обратиться за помощью к психотерапевту.

Опыт нашей работы с подростками по телефону доверия свидетельствует о том, что они очень нуждаются в доверительном общении со взрослым доброжелательным собеседником. Обычно подростки обращаются на Телефон с вопросами: как заработать, как вести себя с девушкой в такой-то ситуации, как познакомиться с рок-звездой; это могут быть сексуальные проблемы, домашние неурядицы. Внимательное и сочувственное отношение консультанта к первоначальному запросу способствует тому, что подростку хочется выговориться, поделиться и, наконец, раскрыть то, что его мучает. Характерно, что подростки не стесняются при обсуждении таких тем, которые в психоанализе рассматриваются как предмет «вытеснения»: сексуальности, агрессивности, извращенности и т.п. Они с трудом, преодолевая внутреннее сопротивление, вступают в беседу о настоящей любви, нравственности, духовности. Создается впечатление, что именно духовные ценности находятся у них в процессе «вытеснения» из области сознания. Поддерживая, подтверждая

в диалоге этот вытесненный голос духовного «Я», психолог помогает его осознанию и утверждению в душе подростка. Диалог оказывается успешным, когда собеседник, переживая радость открытия и разрешения своей внутренней трудности, подтверждает слова, сказанные ему психологом: «Я и сам так думал, но сомневался»; «вы как будто читаете мои мысли».

Проблема понимания и строение слова

Психотерапевту необходимо высказать и понять индивидуально неповторимое слово и, как свидетельствует опыт, это возможно в диалоге. Но как это возможно — для науки является проблемой. Идея М.М.Бахтина о двуголосом слове[10] выражает лишь констатацию этого опыта, но не объяснение его.

Проблема понимания была сформулирована в языкознании Вильгельмом фон Гумбольдтом: «...Всякое разумение между разговаривающими в то же время есть и недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах в то же время и разногласие» [11]. Мы в разговоре стремимся выразить свою мысль в ее индивидуальной неповторимости и хотим быть понятыми на глубине своего высказанного смысла, но именно в этом остаемся непонятыми: ведь свое высказывается словами общезначимыми. Не следует ли из этого, что «мысль изреченная есть ложь»?

По мысли Гумбольдта, язык — не система условных обозначаемых знаков-слов: он «может принадлежать только существу, одаренному самосознанием и свободой, и происходит в нем из глубины его индивидуальности, для него самого неисследимой, и из деятельности дарованных ему сил... человек, без участия своего самосознания, дает движение всей своей «духовной индивидуальности»[12].

Великий мыслитель говорит о том, что высказанное слово является творческим актом, порожденным духовной индивидуальностью; процесс этот не поддается сознательному управлению и рефлексии [13].

Пониманию духовной индивидуальности созвучно наше понятие «духовного Я», также не поддающееся сознательному управлению и рефлексии, «неисследимое» для человека, но реально действующее и проявляющее себя в творческой индивидуальности. Так мы приходим к мысли о рождении слова на глубине духовного «Я». Духовное «Я» присуще каждому человеку, следовательно, потенциально каждый обладает даром слова, отвечающего уникальности собеседника. Таков ответ на поставленный нами вопрос о норме ключевого слова-высказывания. Но это не статистическая норма-преобладание: напротив, описанные нами явления не столь обычны, скорее, исключительны в опыте общения. Тем не менее, в них проявляется закономерность — не эмпирическая, а сущностная: ключевое слово-высказывание рождается на глубине духовного «Я» двух собеседников. Оно является двухголосым потому, что, как говорилось выше, рождается в той центральной точке круга, где сходятся оси индивидуальностей (вспомним «модель» аввы Дорофея). Понимание уникального смысла высказывания принципиально возможно, но не как данное, а как заданное человеку.

П.А.Флоренский, развивая идеи Гумбольдта, писал о таком понимании: «Мы верим и признаем, что не от разговора мы понимаем друг друга, а силою внутреннего общения, и что слова способствуют обострению сознания, сознанию уже происшедшего духовного обмена, но не сами по себе производят этот обмен. Мы признаем взаимное понимание и тончайших, часто вполне неожиданных отрогов смысла: но это понимание устанавливается на общем фоне уже происходящего духовного соприкосновения»[14].

Из всего сказанного следует, что проблема понимания разрешима, но ее разрешение возможно лишь при постулировании первичности духовного единства людей. В этом духовном единстве рождается живое слово.

П.А.Флоренский в своем лингвистическом исследовании пишет о слове как живом субъекте, индивидууме. Строение слова подобно строению человека: «Внешняя форма есть тот неизменный, общеобязательный, твердый состав, которым держатся все слова; ее можно уподобить телу организма... Внутреннюю форму естественно сравнить с душою этого тела... Эта душа слова — его внутренняя форма — происходит от акта духовной жизни»[15]. «Чувственность, рассудок и разум» соединены в слове наподобие тела, души и духа. «Усвоение читаемого и слушаемого происходит

одновременно на трех различных этапах: и как звук, вместе с соответствующим образом, и как понятие, и, наконец, как трепетная идея...»[16].

Преобразующая сила звучащего слова видна из описания фонемы: «Вникнуть в нее — значит рассмотреть, во-первых, то чувство усилия, которым организуются голосовые органы, и шире — все тело, ибо, в сущности, говорим мы не гортанью и языком, но всем телом»[17]. Звуки фонемы психофизиологически связаны с соответствующими состояниями и эмоциями: так слово «улыбка» заставляет улыбаться, слово «гром» раскатисто громыкает. Исследование фонем при помощи специальной аппаратуры и нотная запись их звучания показывают, что фонема — сложная система звуков, целое музыкальное произведение. «...Весь организм, раз он воспринимает, вибрирует сообразно слушаемому... Эта иррациональность действенности слова, хочется сказать, понятна, т.е. понятна как аналогичная действительность музыки... Чем тоньше «совесть ушей», тем более значительным и потому ответственным создается слово как явление звука»[18]. Рассмотрение же смысловой наполненности слова не оставляет сомнения в том, что понятие «индивидуум» по отношению к нему не является метафорой, и слово действительно является живым субъектом, иначе невозможно и живое понимание в диалоге[19].

В этом бытийственном понимании слова П.А.Флоренский выступает против «духовного позитивизма», позитивистской «научности», в которых слово — лишь условный знак, лишенный подлинной жизни. Позитивизм лишает познание конкретности, в нем индивидуум лишается своей неповторимости — «этости»: «Научное мышление все построено на именах нарицательных, оно равнодушно к самой реальности, мало того — видит помеху своему схематостроительству. Научное мышление «ищет своего». «Так ведет себя познающий, когда познаваемое — не любовь его, а польза»[20]. Исследуя полезные для себя свойства и зависимости, позитивист утрачивает цельность индивидуальности. Для психотерапии эта методология является тупиковой[21].

Исследование П.А.Флоренского о строении слова приводит нас к выводу о принципиальной неразводимости понятий «вербальное» и «невербальное» общение. Звучание, интонация, ритм, мимика, жест, несущие значение и смысл, являются по существу словесными выражениями, поскольку само слово — не только значащее понятие, но и выразительный жест, «музыкальное произведение», поэтому и другие виды искусства являются словесными, логосными.

В интонации, жесте, мимике могут выражаться отроги смысла, его составляющие или дополняющие моменты, но в них же может быть выражена вся его полнота и глубина. Таково и «понимание с полуслова». «Понимание без слов» выступает в нашем контексте не как «невербальное», но как вершина диалога.

Молчание как вершина диалога

Понимание без слов возможно лишь при глубочайшей духовной близости людей. Им открыт внутренний опыт наполненности молчания. Такой опыт отличен от молчаливого взаимопонимания людей, достаточно хорошо знающих друг друга и ситуацию, чтобы без слов понимать происходящее и его последствия. Молчание отличается особым состоянием внутренней тишины, гармонии, наполненности. Это состояние может быть выражено словами «Ты есть»[22]; такова — вершина субъект-субъектного общения — вершина диалога. Полнота общения возможна благодаря доминанте на другом, когда у собеседников замолкает их наличное «Я».

В психотерапевтическом диалоге молчанию предшествует внимание, выслушивание собеседника, вслушивание в его внутренний диалог. Внимание изменяет состояние не только психолога, но и пациента: его негативные эмоции постепенно умиротворяются, переходят в положительные и сменяются радостью общения. Такая смена состояний пациента может быть понята как следствие освобождения от доминанты наличного «Я» и открывшегося контакта с духовным «Я». Иначе трудно объяснить, почему в результате выслушивания пациент меняет свои прежние негативные решения («Я ей отомщу! Она меня будет помнить!» и т.п.) на диаметрально противоположные, идущие от совести; ведь совесть, как мы говорили, является голосом духовного «Я».

Доминанта психолога на собеседнике и создает духовный контакт, благодаря которому пациент без слов и наставлений способен принять молчаливый совет консультанта, выражающий не его личные, но универсальные ценности, общие им обоим. Таков безмолвный диалог об общем нравственном императиве.

Слово рождается в молчании и уходит в молчание. Заметим, что в словах «молвить» и «молчать» общий корень.

Опыт молчания трудно передаваем, он не поддается «объективному описанию и тем более — доказательству. Можно апеллировать лишь к личному внутреннему опыту читателя или к предчувствию этого состояния, которое возможно благодаря близости к своему духовному «Я»; оно существует в той центральной точке, где многоцветие индивидуальностей сливается в единый Свет[23]. Внутренний опыт молчания говорит о реальности Источника, из Которого рождается слово: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна, 1; 1).

Статья из журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп», № 1, 1996.

Примечания:

- [1] Подробнее см. об этом в: Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. М., 1991.
- [2] Ухтомский А.А. Письма // Пути в незнание. М., 1973, с.10.
- [3] Там же, с.385.
- [4] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979, с.339.
- [5] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с.77—78.
- [6] Там же, с.79.
- [7] Добротолубие. Афон, 1901.
- [8] Платон. Соч. в трех томах. М., 1970.
- [9] См.: Мелик-Пашаев А.А. Психологические основы способности к художественному творчеству. Автореф. докт. дисс. М., 1994.
- [10] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского..., с.247.
- [11] Цит. по: Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990, с.391.
- [12] Там же, с.158.
- [13] Проблема понимания стала областью особой науки — герменевтики (см., например: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988), современным родоначальником которой следует, на наш взгляд, считать Гумбольдта.
- [14] Флоренский П.А. Строение слова // Контекст -1972. М., 1973, с.237.
- [15] Там же, с.350.
- [16] Там же, с.357.
- [17] Там же, с.358.
- [18] Там же, с.360—361.
- [19] Там же, с.362 и далее.
- [20] Там же, с.293.
- [21] См.: Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии..., с.12—21.
- [22] С.С.Аверинцев характеризует такого рода познавательную установку как бытийную, в отличие от причинно-следственной и «системно-структурной» (Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с.47).
- [23] О богословском понимании Фаворским Света, открывающегося в молитвенном безмолвии, см. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М., 1991.